

1003

ЦЕНТРОЛИГРАФ

HARLEQUIN[®]

Дини Уэст

**ТЕПЕРЬ
ПРИНАДЛЕЖУ ТЕБЕ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Энни Уэст
Теперь принадлежу тебе
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 1003

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63317588

Энни Уэст. Теперь принадлежу тебе: Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-09107-9

Аннотация

Сиротку Лину родственники отправляют в подарок старому капризному эмиру. Девушка прибывает во дворец и узнает, что власть сменилась и новый эмир, молодой суровый красавец Саид Бадави, отнюдь не намерен предаваться с ней плотским утехам. А Саид, которому в наследство от дядюшки достались страна, истерзанная войнами и нищетой, страстный темперамент и юная прекрасная наложница Лина, вскоре понимает, что управлять своими чувствами куда сложнее, чем государством...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Энни Уэст

Теперь принадлежу тебе

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Inherited for the Royal Bed

© 2018 by Annie West

«Теперь принадлежу тебе»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Трое мужчин быстро шагали по сверкающим мраморным коридорам дворца. Вот они миновали зал совета, стены которого украшали мечи и копья, старинные мушкетеры и яркие боевые штандарты, словно ожидавшие очередного призыва к оружию. Прошли через просторный банкетный зал, комнату для аудиенций, пересекли внутренний двор с колоннами, сад, где журчали фонтаны – так громко в этот безмолвный полночный час, – мимо массивных дверей пустого гарема, мимо вырубленного прямо в скале входа в королевскую сокровищницу и, наконец, достигли коридора, ведущего к личным покоям эмира.

Саид остановился и повернулся к своим спутникам:

– На этом все.

– Но, сир, нам приказано...

– Приказ отменяется. Военное положение в Халарке отменено.

Заявление это прозвучало неправдоподобно. Практически всю историю Халарку угрожал войной соседний Джейрут, и поэтому каждый мужчина здесь постоянно был при оружии, готовый защищать свою страну до последнего вздоха.

Саид прошел через все эти грозные годы. Годы постоянных приграничных конфликтов и бесполезных жертв, годы

невозможности дать людям лучшую жизнь из-за того, что средства и энергию приходилось тратить на вооружение.

Он плотно сжал губы. И пусть он не добился ничего иного, главное, он – Саид Бадави, новый эмир Халарка – подарил своей стране мир. Но радоваться он будет позже, а сейчас ему хотелось лишь положить голову на подушку и впервые за три дня погрузиться в крепкий, дарующий забытие сон.

– Но, сир, наш долг – охранять вас. Мы проведем ночь на посту у ваших покоев.

– Дворец по всему периметру охраняют ваши коллеги, к тому же он напичкан новейшими электронными системами безопасности.

Да уж, предыдущий эмир, его дядя, не жалел средств на собственную защиту и вооружение. Жаль только, о людях он совсем не думал.

Охранники до сих пор не ушли, и Саид начал терять терпение.

– Приказы отдаю я! – рявкнул он, сердито прищурившись, и солдаты попятнулись.

Гнев Саида тут же утих. В конце концов, эти люди пытаются делать свою работу. В былые дни невыполнение приказа эмира сурово каралось.

– Ваша преданность долгу и эмиру достойна похвалы. Но с этого момента правила безопасности меняются. Ваш командир проинформирует вас позже. А сейчас вернитесь к охране вестибюля.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и зашагал прочь по коридору, оставляя пыльные следы на инкрустированном полу.

Из внутреннего двора повеяло ночной прохладой. Саид вдохнул полной грудью. Впервые за несколько дней он остался один. Впервые можно расслабиться.

Сегодняшние бурные торжества, в которых приняли участие вожди всех кланов Халарка, региональный губернатор, главный военачальник, а также большинство бойцов, были грандиозными. Равнину за городскими стенами заполнили люди, от праздничных костров, на которых готовили еду, воздух наполнился густыми аппетитными ароматами. Похоже, праздновать будут до самого утра.

А ему на рассвете уже нужно заняться документами и разобраться со всеми дипломатическими нюансами. Он должен узаконить мирное соглашение, чтобы определить границы и обеспечить безопасность всем, кто будет их пересекать, чтобы положить начало мирному сосуществованию и сотрудничеству Халарка и Джейрута.

Саид замедлил шаг и улыбнулся. Его люди празднуют мир! И он присоединился бы к ним с удовольствием, если бы не устал так после тяжелых переговоров с правителем Джейрута Хусейном. А сколько сил отнимала необходимость держать в узде собственных генералов, чтобы предотвратить провокации и насилие! Некоторые думали, что раз у него внушительный военный послужной список и репутация ре-

шительного бойца, его легко склонить к поддержке военных планов предшественника. Но приоритетом Саида был его народ, а позерство стариков, считавших простых людей расходным материалом, было ему чуждо.

Добравшись до покоев и закрыв за собой дверь, он с облегчением вздохнул: наконец-то один! Миновал кабинет, медиаконату, просторную гостиную и вошел в спальню. Веки его моментально отяжелели, едва он увидел огромную кровать, убранную в королевских цветах – глубокий синий с серебром. Верхний свет был потушен, пространство мягко освещали декора тивные бра. Он остановился, борясь с желанием рухнуть на кровать прямо в одежде. Но нет, сначала надо принять душ.

Раздеваясь, Саид чувствовал, как постепенно спадает напряжение. Скинул тонкую рубашку, обнажив рельефную мускулатуру, и с удовольствием ощутил кожей ночную прохладу.

Он начал было разуваться, но вдруг замер на одной ноге, насторожившись. Натренированный годами инстинкт воина подал сигнал тревоги. Что-то было не так. Возможно, напрасно он отпустил охрану... И теперь станет самым молодым и рано почившим эмиром в истории Халарка. Да уж, прекрасная эпитафия получится!

Стараясь двигаться максимально бесшумно, Саид осторожно намотал рубаху на левый кулак и предплечье. Пулю это, конечно, не остановит, но вот удар ножом смягчит. Он

невольно скользнул взглядом по длинному серебристо-белому шраму на предплечье – хорошо наточенный нож легко преодолевает несколько слоев одежды.

Саид медленно повернулся, раздувая ноздри в попытке уловить любой посторонний запах, прищуренные глаза быстро обежали комнату, не пропустив ни одного уголка.

Ничего. Может, просто сказывается переутомление? Он развернулся к кровати и... Рука молниеносно вытащила из ножен на бедре хотя и церемониальный, но очень острый кинжал.

– Ты кто и что здесь делаешь? – процедил Саид сквозь зубы.

Вместо ответа из-за кровати медленно поднялась миниатюрная фигура, укутанная в темное покрывало. Поднявшись, немедленно согнулась в поклоне.

Саида охватила легкая паника. А что, если бы он не насто-рожился? Не почуял незваного гостя? И пришелец, дождав-шись, пока он уснет, вонзил бы нож ему меж ребер?

Все же напрасно он не последовал примеру почившего дя-дюшки, который не отпускал от себя охрану ни днем ни но-чью. Тот, конечно, был параноиком, но ведь и не без причи-ны.

– Подойди.

Фигура приблизилась.

– Сир... – Голосок нежный, едва слышный.

Очередной поклон. Когда фигура выпрямилась, покрыва-

ло распахнулось. Саид обомлел. Его покой нарушила девочка! Он помотал головой. Уж не мерещится ли ему это?

Женщины его страны одеваются иначе. Куда благостойнее. Покрывают голову не все, но все без исключения скрывают свое тело. А тут...

Пока он во все глаза глядел на незваную гостью, по животу и ниже прошла жаркая волна. На девушке была длинная юбка, под складками которой явственно обозначался соблазнительный изгиб бедер, и коротенький, обнажавший плоский живот и тонкую талию топ без рукавов, облегающий аккуратную грудь словно вторая кожа.

У Саида перехватило дыхание, пальцы напряженно выпрямились и тут же сжались в кулаки. Девушка же молниеносно завернулась в свою накидку.

Саид удивился сам себе: и что это на него нашло? Первым порывом при виде девушки было немедленно к ней прикоснуться! Притянуть ее к себе и с наслаждением ласкать нежное податливое женское тело... Но разве не заслужил этого он, человек, который много дней – нет, недель! – добивался практически невозможного? Сначала удерживал дядюшку от вторжения в Джейрут, а после его смерти вел непростые переговоры о мире между двумя странами, враждовавшими испокон веков.

Он перевел взгляд на хорошенькое личико, обрамленное пышными темными волосами, свободно рассыпавшимися по плечам. Воображение тут же услужливо нарисовало, как он

касается женской кожи – нежной, шелковистой, теплой...

Саид, как и его покойный дядюшка, был человеком страстным и знал толк в удовольствиях, однако, в отличие от старика, не позволял чувствам брать верх над разумом. Брал пример с отца, который был благородным воином и правителем, радевшим о благе своего народа.

– Посмотри на меня! – громко скомандовал Саид, возможно, даже чересчур громко, но ему и без того стоило немалых трудов сдерживать эмоции.

Девушка подняла на него глаза. И тут Саида словно ударили под дых: таких глаз видеть ему еще не доводилось – сине-сиреневого оттенка горной фиалки.

Он нахмурился: хорошенькая и молоденькая, чересчур молоденькая, чтобы оказаться одной в этой комнате.

– Кто ты?

– Лина, ваше величество.

Опять низкий поклон, от которого, к своему ужасу, он почувствовал напряжение в паху: казалось, что ее грудки вот-вот выскочат из топа.

– Не делай так!

Она моргнула, на мгновение лицо ее приняло выражение, которое он не сумел интерпретировать. Она вздернула подбородок, перевела взгляд на что-то за его плечом, сложила перед собой ладони.

– Не делать чего, ваше величество?

– Не кланяйся.

Она нахмурилась:

– Но, ваше величество, вы же эмир. Было бы неподобающе...

– Позволь мне судить, что подобающе, а что нет. – Саид устало потер рукой шею, разминая напряженные мускулы.

– Да, ваше величество, – ответила она, но вздернутая бровь и быстро закушенная нижняя губа явно свидетельствовали, что девушка не согласна с его требованием.

– И не называй меня так.

Может, дядюшке и нравилось, когда ему постоянно напоминали о его высочайшем статусе, но Саиду за последние дни уже набило оскомину это высокопарное обращение. Он истосковался по общению с кем-то, кто не кланяется подострастно каждую секунду и не пресмыкается.

Саид устало провел ладонью по лицу, вспомнив напряжение последних нескольких дней, когда он вел переговоры с правителем Джейрута, получившим прозвище Железная Рука. Вот уж кто не кланялся и не пресмыкался. Но, несмотря на свою репутацию упрямого и непоколебимого воина, он внял доводам Саида и согласился на мир и добрососедское сотрудничество.

Пока Халарком правил дядя, люди не могли говорить то, что думали. Визири были обучены во всем соглашаться с эмиром, а не давать ему советы без страха и предубеждения. И это Саид намерен был исправить.

– Как пожелаете... сир.

Саид открыл было рот, чтобы одернуть ее, но тут же закрыл: все-таки «сир», а не «ваше величество». Да и вообще – какая разница? Он так устал, что ему все равно.

– Что ты здесь делаешь?

– Я здесь, чтобы служить вам... – Она перевела взгляд на что-то за его спиной. – И выполнять все, что вы потребуете.

На несколько секунд Саидом овладело желание воспользоваться своей властью. Он ощутил исходивший от девушки нежный аромат роз, и ему ужасно захотелось узнать, какова на вкус ее кожа. Искушение было так велико, что он отступил на шаг, чтобы не поддаться соблазну.

– Кто тебя послал?

– Брат моего отца. Как подарок в благодарность предыдущему эмиру.

«Подарок в благодарность!» – с горечью подумал Саид. Вот каков народ, которым правил его дядя. Распоряжаются женщиной словно товаром... Да, ему придется немало потрудиться, чтобы изменить представления этих людей о жизни.

Саид был уверен, что дядюшкин гарем распустили, поскольку старикова простата сдала и тот стал импотентом.

– Я... я знаю... сир. Его не стало сразу после моего приезда, я даже не успела с ним встретиться. – Она сверкнула глазами, бросив на него быстрый взгляд, и тут же опустила их. – Сочувствую вашей утрате.

– Спасибо. – Саид не чувствовал ни печали, ни утраты –

смерть дяди его не особенно огорчила. Старик был плохим правителем, да еще и жестоким деспотичным сладострастником. – Он мертв, а ты свободна. Так что ступай.

Огромные фиалковые глаза встретились с его глазами, и в них явно читался... страх?

– О нет! Вы не понимаете! – Лина судорожно сглотнула и опустила глаза в пол, словно пытаясь подобрать нужные слова. – Нет, конечно, вы не... не понимаете.

Она помотала головой, и один из длинных блестящих локонов заскользил, словно змея, по высокой груди. Саид, хоть убей, не мог оторвать он него взгляда.

– Я не могу уйти. – Она закусила губу и слегка улыбнулась. – Ваш дядя умер, и теперь я принадлежу вам.

Глава 2

Саид Бадави выглядел не просто суровым и жестоким, он был похож на грозовую тучу: неодобрительно нахмуренный лоб, челюсти плотно сжаты, желваки играют, словно он готов разразиться проклятиями. Однако блеск темных глаз и трепет ноздрей свидетельствовали о переживаниях куда более интимных, чем ярость. Типичная мужская реакция на красивую женщину. Лина кое-что знала об этом. Именно так мужчины смотрели на ее мать. А с тех пор как она достигла половой зрелости, те, кто бывал в их доме, стали смотреть так и на нее.

Лина сглотнула стоявший в горле ком. Теперь это уже не их дом. Теперь это дом дяди.

Однако в отличие от ее двоюродных братьев, которые не только с вожделением пожирали ее глазами, но и норовили дотронуться, эмир держал руки при себе.

Лина опустила взгляд долу, как ее учили, но магический блеск темных глаз Саида притягивал как магнит. И вообще он оказался очень хорош собой: высокий, стройный, мускулистый, с широкими плечами и гладкой бронзовой кожей. Гармонию великолепного тела нарушал лишь длинный белый шрам на предплечье.

Лина не сказала бы с уверенностью, отчего у нее вдруг закружилась голова, дыхание участилось, мысли спутались.

Оттого ли, что она впервые оказалась наедине с мужчиной, который должен стать ее хозяином и повелителем, или оттого, что впервые увидела полуобнаженного мужчину, или от его магнетической привлекательности...

Она прибыла во дворец, ожидая, что станет повиноваться жестокому раздражительному старику, а вместо этого оказалась в частных покоях мужчины, которому не исполнилось еще тридцати и от вида которого захватывало дух. Мало того, в нем чувствовалась внутренняя сила и качество, которому она не могла подобрать определения, но которое отражалось в четких крупных чертах его горделивого лица.

Почему же по всему ее телу прошел озноб, а кровь забурлила в венах? Может, она приболела? Никогда раньше подобного странного чувства она не испытывала.

– Лина...

Она подняла на него глаза, с тревогой ожидая продолжения. Интересно, похож ли он на старого эмира? Тетушка рассказывала, что ожидает ее, если она не выполнит приказание повелителя – не важно, насколько оно сложно или... интимно. И от рассказов тех волосы дыбом вставали.

– Сир?

– Я ведь сказал, что ты можешь отправляться домой.

Лина моргнула, и глаза ее расширились от ужаса. Она, конечно, была до чертиков напугана сплетнями о том, что заставляет делать эмир своих наложниц. Но быть изгнанной из дворца – куда ужаснее!

Горло ее болезненно сжалось, она с трудом выдавила:

– Пожалуйста, сир! Я не могу... – Замолчала, вспомнив, что должна подчиняться, а не спорить.

Дядя с тетей без устали учили ее смирению и молчанию, чтобы она превратилась в немую покорную девицу. Они были бы в ужасе, услышав, что она осмелилась возражать самому эмиру.

– Еще как сможешь, если я прикажу, – отрезал Саид.

Лина вся сжалась от ужаса. Свобода, которую он давал ей, была иллюзорной. Она ведь совершенно одна во всем мире. У нее нет дома, о ней некому позаботиться. У нее нет прав, включая право на его сочувствие. Она – ничто для него и вообще для кого бы то ни было. Ее научили, что она должна молча кивать и подчиняться, даже если ее господин велит ей исчезнуть с глаз долой.

Саид нетерпеливо пошевелился, явно ожидая, когда уже она уйдет. Лина прекрасно понимала одно: выйди она сейчас из его покоев, назад во дворец дороги не будет. Она окажется на улице. Совершенно одна. Ни денег, ни друзей, ни даже нормальной одежды.

Она обхватила себя руками, сделала глубокий вдох. До чего же ужасный на ней наряд – даже грудь еле прикрывает!

– Сир...

– Ну что? – раздраженно бросил он, впериw в нее тяжелый взгляд эбонитовых глаз. Терпение его было явно на пределе.

– У меня нет дома, сир. И нет семьи. Ничего... – Лина за-

кусила губу, чтобы сдержать дрожь. – Нельзя ли мне остаться во дворце? Я хорошая работница. Я могу делать что угодно. На кухне, в прачечной, в... – Она замолчала, пытаясь справиться с мыслями, которые в панике разбежались, как тараканы, и сообразить, какие еще дворцовые службы существуют. – Я еще умею шить и... и вышивать!

– У тебя должен быть дом. Откуда ты приехала?

Ни намека на сочувствие на красивом лице, но хотя бы выслушал ее. Сердце Лины бухало, как взбесившийся барабан.

– Я приехала из дома моего дяди, сир, но двери его для меня теперь закрыты.

Ей пришлось собрать последние силы, чтобы выдержать его тяжелый, сверлящий взгляд и окончательно не скиснуть под грузом болезненных воспоминаний о том, как она стала практически рабыней в родном доме.

Эмир вздохнул и запустил пальцы в коротко стриженную шевелюру. При этом незамысловатом движении мускулы руки и груди напряглись. Лина даже не предполагала, насколько завораживающим может быть такое, казалось бы, обыденное зрелище. С другой стороны, она никогда не видела подобного эмиру мужчины – ни одетого, ни раздетого.

Он снова вздохнул и отвернулся. Мысли Лины замелькали с панической быстротой, страх и разочарование подстегнули воображение. Вот он уходит и оставляет ее на произвол судьбы. Единственный в мире человек, который может

помочь ей...

Однако вместо того, чтобы пойти в ванную, подошел к гардеробу, распахнул его дверцы и вытащил рубашку.

– Вот. – Рубашка полетела к ней, словно белая птица. – Надевай и садись.

Пальцы Лины вцепились в тонкую, мягкую, без сомнения, очень дорогую ткань, как в спасательный круг. Да уж, для лидера нации только самое лучшее.

– Давай же! – Он нетерпеливо кивнул на рубашку в ее руках, потом на кровать.

На секунду она подумала, что он сядет на кровать, но он со вздохом опустился в большое кресло.

Лина торопливо натянула рубашку через голову, и та прикрыла ее почти до колен. Закатала рукава. Странно... Почему он предложил ей одеться? Безусловно, ей куда комфортнее, когда живот и грудь прикрыты, но мужчинам обычно нравится смотреть на обнаженное женское тело. А может, эмир не интересуется женщинами? Да нет, не может быть. Это было бы крайне досадно. И, кроме того, она не упустила вспышку страсти, мелькнувшую в его взгляде, когда он только увидел ее.

Она с любопытством посмотрела на человека, в руках которого оказалась ее судьба. Он очень кстати закрыл глаза, дав Лине возможность рассмотреть его внимательнее. Очень красив, но, очевидно, сильно утомлен. Об этом явно свидетельствовали залегшие под глазами тени, опущенные угол-

ки резко очерченных губ, расслабленная поза. Совершенно обессилен.

Саид открыл глаза и увидел, как девушка метнулась в ванную. Что, черт побери, она задумала? Он хотел было подняться и последовать за ней, но не успел. Лина вынесла таз с водой и, грациозно опустившись на колени, поставила перед ним. Пытаясь игнорировать очередную вспышку желания, Саид напомнил себе, что не должен слепо следовать порывам страсти, но тут же отметил, что в его рубашке девушка выглядит еще соблазнительнее, чем в своем откровенном наряде. К тому же рубашка добавляла сцене интимности, словно Лина уже стала его любовницей, успев разделить с ним королевскую постель...

Саид решительно отбросил фривольные мысли.

– Что ты делаешь? – сердито осведомился он, заставив девушку отпрянуть.

– Хочу помочь вам разуться.

Она отодвинула таз, потянулась было к его ботинку, но тут же замерла, заметив его неудовольствие.

– Ну-ка, взгляни на меня, – потребовал он, в душе проклиная традицию своего народа, согласно которой простые смертные не должны поднимать глаз на правителя.

Фиалковые глаза незамедлительно взглянули на него. Красивые глаза – миндалевидные, широко расставленные.

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать, сир. – Девушка нервно облизнула нижнюю губу.

Совсем еще девчонка, почти подросток, с досадой и сожалением подумалось ему. Нет, он не может принять ее предложение прислуживать ему и выполнять все, что он пожелает. Это было бы низко. А с другой стороны, как досадно! Эта очаровательная девушка заставляла его сердце биться чаще, от ее соблазнительного вида у него вскипала кровь в жилах. И кроме того, он потомок воинов, которые всегда получали то, что хотели, включая женщин.

– Можно, я помогу вам разуться?

– Ну хорошо, – кивнул он. Если уж ей так хочется быть полезной – пускай.

Он откинулся в кресле и вытянул вперед одну ногу. Девушка присела перед ним, расшнуровала ботинок и сняла его так осторожно, словно он был хрустальным.

Через несколько секунд ботинки и носки были сняты, Лина подвинула ближе таз и аккуратно погрузила ноги Саида в теплую воду, и он с удовольствием ощутил, как напряжение, сковавшее все его тело, потихоньку отступает.

– Спасибо, Лина.

Она вскинула на него удивленный взгляд – явно не ожидала благодарности.

– А теперь расскажи о себе.

Его просьба смутила ее. Девушка чуть помедлила, нервно облизнула губы, затем заговорила:

– Меня зовут Лина Рахман. Мой отец был главой Нарджи-фа.

Саид кивнул. Он знал этот отдаленный городок и встречался с ее отцом, когда в прошлом году объезжал провинции. Серьезный человек, приверженец традиций, но это не объясняет, почему он послал свою дочь в подарок его дяде – известному смолоду своим необузданным темпераментом и любовными похождениями.

– У тебя есть родственники?

– К сожалению, нет. Родителям не посчастливилось иметь сыновей. Я единственный ребенок.

Очевидно, она повторила то, что ей говорили сотни раз. Саид с удовольствием отметил, что на это раз она не опустила глаз в смущении.

– Отец послал тебя моему дяде? Старому эмиру?

– Нет! – Девушка помотала головой, и длинная прядь шелковистых темных волос упала ей на грудь. – Это его брат. Он и его жена.

Саид нахмурился.

– А твоя мать?

– Она умерла несколько лет назад. Если бы она была жива, они не посмели бы отослать меня.

Лина сняла с плеча небольшое полотенце и разложила у себя на коленях, потом осторожно подняла одну ногу Саида и осушила мягкой тканью. Все движения ее были ловкими и уверенными. Она принялась массировать его ступню, и он

почувствовал, как по всему телу прошла волна тепла, усталые мышцы наконец-то расслабились.

– Ты делала такое и раньше, – заметил он.

– Да, для отца.

– Но не для дяди?

Лина заметно напряглась, уголки ее губ дрогнули и опустились.

– Нет. Это было бы неуместно. Тетя предупреждала меня, чтобы я не прикасалась к родственникам-мужчинам.

– А у тебя есть еще кто-то, кроме дяди?

– Двоюродные братья. Трое.

– И ты хотела бы прикоснуться к кому-то из них?

– Вот еще! Да я бы лучше прикоснулась к старому блохастому верблюду, страдающему диареей.

Саид с трудом сдержал улыбку. Усталость отступала. А его неожиданный скромный «подарок» оказался не таким уж и скромным.

– Понятно. Значит, это они хотели прикоснуться к тебе.

Лина кивнула, ноздри ее дрогнули и раздулись, хорошенькое личико исказила гримаса отвращения.

– Они обвинили меня в том, что я их якобы искушаю, хотя я даже не смотрела на них. Я все гда старалась их избегать. Но и этого было недостаточно. Они сказали, что их преследует мой запах. Он остается, даже когда я выхожу из комнаты, и заставляет их следовать за мной.

От негодования Лина забыла о смущении и скромности,

щеки ее пылали, глаза блестели. И как же хороша она даже в гневе! Саид понимал чувства ее кузенов, хотя и осуждал их. Сопротивляться ее притягательности было очень сложно.

Она молода и полностью в его власти, но он, в отличие от его дядюшки, не принимает в подарок людей и считается с их чувствами!

– У тебя нет других родственников, которые пожелали бы забрать тебя?

Лина молча опустила глаза и сосредоточилась на массаже ног. Ах, какое же удовольствие испытывал Саид! Раньше ему не доводилось пробовать эту процедуру, и он даже не подозревал, какое она доставляет расслабление и наслаждение.

– Дядя перевез свою семью в дом моего отца. Других родственников у меня нет. А даже если бы и были, моя мать... – Лина вдруг замолчала. Пауза так затянулась, что Саид решил, продолжения не последует, но ошибся. – Моя мать была танцовщицей. Она намного моложе отца. И ее... не слишком-то одобряли. Так что никто из родственников не согласился бы взять меня в дом после смерти отца.

Саид задумчиво смотрел на ее грустное личико. У него столько государственных дел, что просто нет времени на то, чтобы заботиться об этой отвергнутой всеми девушке. Но и выгнать ее он не может. Совсем одна, никому не нужная, бесправная и беспомощная, она пропадет. Во времена правления его дядюшки такое с людьми случалось сплошь и рядом.

– Спасибо за массаж, Лина. – Он отвел ее руки, стараясь

подавить досаду, что пришлось отказаться от ее приятных прикосновений, сел прямее. – Ты можешь идти. Буду рад видеть тебя завтра. Мой секретарь сообщит тебе время.

Девушка поднялась, изумленно глядя на Саида. Потом улыбнулась – с очевидной и искренней радостью. И эта улыбка буквально ослепила Саида, более того – он больше не чувствовал усталости, а одно лишь возбуждение.

– Спасибо, сир! Вы не пожалеете.

С этими словами она упорхнула, а он глядел вслед, с горечью подумав, что ей лишь только семнадцать...

Лишь только семнадцать, а она всего за несколько минут разожгла в нем нешуточную страсть. Саид взъерошил пальцами волосы и выругался.

Лина была потрясающе красива и только этим походила на женщин, которых он выбирал для себя. В отличие от нее все они были опытные и независимы. Все они были способны утолить его страсть, все уходили безболезненно – и для него, и для себя. С каждой из них он проводил не больше недели. Этого ему хватало. Это было частью его системы – он удовлетворял свои сексуальные желания и спокойно возвращался к работе, не тратя сил и времени на серьезные отношения.

Кроме того, все его любовницы были иностранками, жаждавшими вкусить экзотики, переспав с настоящим восточным принцем. И почти все были блондинками. Брюнетки его не особенно вдохновляли.

До сих пор...

Саид снова выругался, не в силах забыть огромные фиалковые глаза, в которых горел огонь и в то же время читалась невинность. Ему надо придумать для нее план. И надо решить, где она будет жить. Постоянно оставаться во дворце ей нельзя. Он не сможет сдерживаться бесконечно...

Глава 3

Лина ерзала в кресле. Кресло было удобное, но она сидела в нем уже целую вечность. Секретарь эмира с серьезными серыми глазами посмотрел на нее свысока и предупредил, что ждать ей придется долго, поскольку у эмира очень много важных дел.

Лине ужасно хотелось объяснить, что нелепый наряд ее – вынужденный, тетка не дала ей взять с собой другой одежды. Она упрямо смотрела на секретаря в упор, не скрывая раздражения, и в конце концов тот отвел ее в библиотеку, усадил в кресло и оставил одну.

Терпение ее иссякло, искушение было велико. На полках стояло великое множество книг – куда больше, чем под силу прочесть одному человеку за всю жизнь. В красивых кожаных переплетах самых разных цветов, некоторые тонкие высокие, другие пухлые приземистые. Девушка легонько пробежалась пальцами по переплетам, представляя, сколько секретов и знаний таят в себе эти книги, а сколько интереснейших историй! Вроде тех, что рассказывала ей мама...

Лина выбрала книгу в зеленом переплете с блестящими буквами. Секретарь ведь не сказал, что книги трогать нельзя. Осторожно открыв, увидела на страницах изображения растений. Принялась листать. Некоторые цветы и травы были ей знакомы – они росли возле дома, иные она не видела

никогда. Лина нежно провела пальцами по нарисованному темно-красному цветку – он был изображен так живо, что казалось, вот-вот колыхнется под легким дуновением ветерка...

Насмотревшись на цветы, она закрыла книгу и вернула ее на полку. Подошла к другой и выбрала книгу в красном переплете. Картинок внутри не оказалось, но...

– Лина.

От неожиданности девушка вздрогнула и чуть не выронила книгу.

Эмир закрыл за собой дверь.

Прошлой ночью при мягком свете бронзовых светильников он показался ей невероятно красивым, что совершенно выбило ее из колеи. Но она сказала себе: это просто шок, к тому же далеко не каждой женщине доводится видеть полуобнаженного мужчину, который не является ее мужем.

На этот раз при виде его по всему ее телу снова прошла дрожь возбуждения. Статный мужественный красавец, излучающий волю и непоколебимую уверенность в себе. Смуглое лицо контрастирует с белой тканью рубашки. Взгляд темных глаз тверд и пронизателен.

В общем, ничего удивительного, что сердце ее забилось быстрее, внизу живота разлился приятный жар, щеки вспыхнули, хотя до сих пор она не реагировала так ни на одного мужчину.

Лина опустила глаза на книгу, которую держала в руках.

– Как приятно видеть человека, которого заинтересовала библиотека. Сомневаюсь, что мой дядя хоть раз открыл какую-то из этих книг. А у меня пока времени на это не было. Нашла что-то интересное?

Очевидно, он пытался ее успокоить, разговаривая с ней на равных, словно она не была его... подданной. От этой мысли у нее перехватило дыхание.

Эмир остановился прямо перед ней.

– Я... я не знаю. Я только что открыла ее.

Он молча взял книгу у нее из рук, а потом неожиданно отдал ей обратно, вместо того чтобы поставить на место.

Лина посмотрела на строчки, и жаркий румянец снова залил ее щеки. Она сглотнула ком в горле, но глаз на эмира не подняла.

– Лина?

– Да, сир?

– Ты умеешь читать?

В его тихом голосе было столько доброты, что у нее сжалось горло. Никто никогда, кроме ее давно умершей мамы, не говорил с ней так нежно. В то же время тон его, хотя и ласковый, заставлял подчиниться его воле. Лина нехотя подняла на него глаза, не в силах сопротивляться, от его пристального взгляда ее бросало одновременно в жар и холод.

– Нет, сир, – прошептала она, сгорая от стыда.

Как унижительно признаваться в собственном невежестве! В памяти вспыхнули все несправедливые ярлыки, которые

повесили на ее мать, а значит, и на нее, соседи и родственники. Словно недостаток образования являлся результатом слабости характера, а не отсутствия возможности получить его.

– Но ведь в вашем городе есть школы. Я сам видел. – Брови эмира сердито сошлись на переносице.

Лина кивнула. Ей и самой хотелось бы получить образование, но не позволили.

– Отец не считал, что женщина должна быть образованной. Мама хотела, чтобы я пошла в школу, но она умерла, когда я была совсем маленькой. Отца уговорить не удалось. – Девушка замолчала, чувствуя потребность объяснить все и оправдать отца. Он ведь не был злым, просто имел свои убеждения и следовал им по жизни. Кроме того, он был разочарован, что первым и единственным ребенком его стала девочка. – Он придерживался традиционных взглядов.

Мать Лины была его второй женой, на двадцать лет моложе его. Умная, обаятельная, красивая, она столкнулась с предрассудками, поскольку до замужества из-за нищеты вынуждена была танцевать на потребу публике. Тень этого предубеждения пала и на Лину: несмотря на хорошее воспитание, нравственность ее из-за прошлого матери ставилась под сомнение.

– Ты хочешь учиться?

Лина изумленно моргнула, глядя на серьезное лицо Саида. Он не шутит? Если бы ее спросил дядя или кто-то из ку-

зенов, она бы заподозрила подвох. Но сейчас с ней говорит эмир! Мужчина, который выслушал ее историю, хотя мог бы просто выгнать. Мужчина, который был с ней ласков и даже нежен, хотя сильно устал. Мужчина, который не дотронулся до нее и пальцем, вместо того чтобы уложить в свою постель и заставить делать все, что ему заблагорассудится!

Она тогда не спала всю ночь, раз за разом прокручивая в голове их беседу, все его слова, жесты и выражение лица. И чем больше она вспоминала, тем больше захлестывало ее теплое и какое-то сияющее чувство к этому невероятному мужчине.

– Конечно! Я пыталась найти кого-нибудь, кто взялся бы учить меня. Но безуспешно.

Она тогда здорово обожглась, обратившись к одному из кузенов. К тихоне, который не издевался над ней и вообще казался безобидным и даже приятным. На пятой минуте их «урока» он принялся распускать руки, а потом схватил и попытался поцеловать. Никогда еще Лина не была так рада тетушке, которая ворвалась в комнату как торнадо, хотя за этим последовало наказание – Лину заперли в комнате на всю следующую неделю.

При этом воспоминании руки девушки задрожали, она закрыла книгу и поставила ее на ближайшую полку.

– Неужели... я в самом деле научусь читать и писать?

Лицо эмира омрачилось, словно ему неприятно было ее волнение. Несколько мгновений, показавшихся ей бесконеч-

ными, он пристально смотрел на нее, плотно сжав губы, потом коротко кивнул, развернулся, отошел к рабочему столу и уселся за него.

– Разумеется, это возможно и даже необходимо, если ты хочешь найти свое место в этом мире.

Он жестом попросил ее сесть рядом, и она вдруг почувствовала себя ребенком, которого зовет отец, чтобы отчитать за провинность.

– Откровенно говоря, оставаться во дворце постоянно ты не можешь.

– Но я...

Предупреждающе поднятая ладонь заставила ее замолчать. Лина вздрогнула, осознав, что собралась спорить с человеком, который вершит судьбу народа всей страны. Да, те-тя была права – ей надо учиться держать язык за зубами.

– У меня нет гарема, если я желаю женщину, я за ней не ухаживаю.

По телу Лины пробежала дрожь: она вспомнила ужасные ночи, проведенные в ожидании зова эмира, который мог заставить ее делать все, что ему заблагорассудится. И все же, если бы этот мужчина сейчас улыбнулся ей и заговорил с ней ласково, она выполнила бы любое его желание. Может, мысль о сексе и заставляла ее нервничать, но она была бы рада, если бы Саид Бадави стал ее первым мужчиной. Осознав это, Лина прикусила язык.

– Однако сейчас я в ответе за тебя. Отослать тебя обрат-

но к твоей семье, чтобы тебя там продолжили унижать, я не могу.

Глаза его сверкнули. Очевидно, он разгневался. На кого же? На ее дядю и тетю? Лина забеспокоилась – неужели они могут пострадать за то, что отправили ее сюда? Она как-то подслушала их разговор: они искренне верили, что, отослав ее во дворец, они не только избавят от нее своих сыновей, но и завоюют расположение эмира. Старого эмира, с которым они были из одного теста. Но не нового – Саид Бадави оказался совсем другим.

– Но и оставить во дворце не могу. Учитывая обстоятельства, при которых ты здесь появилась, люди неверно истолкуют твою... роль.

Лина не совсем понимала, что значит «неверно истолкуют», но предположила, что эмир не хочет, чтобы ее считали его наложницей. Еще бы! Такой мужчина с его властью и богатством может заполучить любую, самую прекрасную, женщину, какую только пожелает. И вообще – может, у него есть любовница.

Щеки Лины вспыхнули от стыда, когда она вспомнила свои чувства и мысли об эмире, о том, как возбуждающе подействовал на нее исходивший от него легкий аромат сандала и апельсина. Ну конечно, у него есть женщина! Глупо было предположить, что он пожелает ее – необразованную провинциалку, которая и книг раньше в руках не держала.

– Я решил, что ты будешь моей подопечной.

– Подопечной?.. – Удивленно взглянув на него, она утонула в бездонных черных глазах. По всему ее телу опять пробежала дрожь.

– Я буду в ответе за тебя до тех пор, пока ты не станешь способна сама позаботиться о себе. Буду тебе вроде дяди.

Она озадаченно моргнула: на роль дядюшки Саид подходил меньше всего – слишком молодой. Да и ее внезапное чувство к эмиру родственным уж точно не назовешь.

– Ты понимаешь?

Он что же, считает ее слабоумной, раз она не умеет читать?

– Понимаю. Вы будете моим опекуном.

– Точно. – Он довольно откинулся в кресле. – А теперь скажи, чем бы ты хотела заниматься?

– Сир?

– Кем ты видишь себя в будущем?

Лина в полнейшем недоумении чуть не разинула рот. Никто никогда не спрашивал ее о таком. Будущее ее было очевидно: ей подберут подходящего мужа, и потом она посвятит себя заботе о семье. Либо, по утверждению ее тетки, она станет танцовщицей и будет ублажать мужчин.

– Ну какие-то мечты у тебя же есть?

И тут Лина вспомнила свои детские чаяния. Надежды, которые навеяли ей общение с иностранными археологами, работавшими неподалеку от ее дома. Они всегда радушно пригласили малышку. А главное – среди них, к ее полному вос-

торгу, были женщины! Лина проводила с ними много времени, пока, по мнению старших, не стала слишком взрослой для того, чтобы пользоваться детской свободой. Надо же, какой глупышкой она была тогда! Конечно, ее мечты никогда не сбудутся... Хотя ведь сейчас она рядом с человеком, который правит всем Халарком, и он спрашивает, чего она хочет. Неужели рядом с этим невероятным мужчиной возможно все?

– Я хочу учиться, – выпалила она. – Хочу научиться читать, пойти в школу и узнать о мире все. – Горло ее сжалось от волнения и страха, но все же она нашла в себе силы продолжить: – И я хочу побывать во Франции и в Америке.

Ну вот сказала. Лина вцепилась дрожащими пальцами в подлокотники кресла. Да, это было дерзко, но сопротивляться искушению она не смогла.

– Почему именно в этих странах? Без знания языков это будет сложновато.

– Но я знаю! – просияла Лина. – Точнее, могу говорить. Могла... Маленькой я много времени проводила с иностранными археологами. Они раскапывали старинный город недалеко от нашего дома. У меня хорошая память, и они сказали, что я быстро учусь разговаривать.

Эмир явно сомневался в том, что это так, но не возразил. Он сидел задумчиво, уперев локти в стол и сцепив пальцы на подбородке. Лина же замерла, боясь даже дышать, чтобы не потревожить его. Время словно остановилось.

– Что ж, хорошо. – Он откинулся на спинку кресла и улыбнулся, отчего у Лины на душе вдруг стало светло и радостно. – Америку и Францию не обещаю, но могу предоставить тебе возможность учиться. Мой секретарь найдет тебе учителя. И если через неделю учитель подтвердит, что ты упорно работаешь, получишь возможность ходить в школу.

Радостное возбуждение накрыло Лину с головой.

– Сир! Я даже не знаю, как вас благодарить! Я...

Он предостерегающе поднял ладонь, лицо его посерьезнело.

– Учти, неизбежно пойдут слухи о твоём появлении здесь и о наших... отношениях. – В голосе его прозвучала брезгливость, и сердце Лины упало, радостное настроение улетучилось. – Поэтому, если ты докажешь свою состоятельность, учиться ты будешь за пределами Халарка.

Лина кивнула, борясь с желанием ущипнуть себя, чтобы убедиться, что не спит.

– Но ведь... это очень дорого...

Саид смотрел на нее в упор, и ей показалось, что он видит ее насквозь.

– К счастью, я могу себе это позволить, – через мгновение легко улыбнулся он. – Если ты будешь усердно работать, я оплачу твое образование.

– Но как я смогу отплатить вам? – вырвалось у нее.

Он удивленно поднял брови:

– А разве ты не можешь принять это как подарок?

Лина чуть нахмурилась, обдумывая услышанное. Его королевское величество эмир Халарка привык, что ему повинуются беспрекословно, но все же у нее есть гордость и совесть.

– Почту за честь, сир. Но все же я перед вами в огромном долгу. И я должна буду этот долг вернуть. Мы же не родственники. А в благотворительности я не нуждаюсь.

Сердце Лины бешено колотилось, кровь стучала в висках так, что закружилась голова.

Несколько долгих мгновений он буквально сверлил ее пронзительным взглядом, затем резко кивнул:

– Да будет так. Если все пойдет так, как задумано, ты станешь ярким примером перемен, которые грядут в Халарке. Я намерен изменить нашу страну, и посредством образования в том числе. Усердно учись, и сможешь отплатить мне за щедрость, когда вернешься, помогая продвигать образование, особенно женское.

Взглянув на часы, он резко отодвинул кресло от стола.

Лина вскочила на ноги.

– Я буду усердно учиться, сир. Обещаю.

– Прекрасно, – кивнул он и вышел из библиотеки.

Через четыре с половиной года Лина сошла с трапа самолета совершенно другой женщиной. И родина ее за это время тоже заметно изменилась.

Был расширен и модернизирован аэропорт. Дорога в го-

род превратилась в широкую ровную автостраду, обрамленную стройными рядами финиковых пальм. Неподалеку от крупной развязки выросла большая современная больница с обширной зеленой территорией, рядом строился университет. По всему городу возвышались строительные краны. Шофер, встретивший ее в аэропорту, в ответ на ее вопросы оживленно болтал, что тоже было необычно. Покидая Халарк, Лина и представить себе не могла, чтобы водитель-мужчина так охотно общался. Хотя, по правде сказать, откуда ей было знать, как положено общаться водителям? Она ведь выросла в провинциальном городе, и до отъезда из Халарка кататься на машинах ей почти не приходилось. Не говоря уже о лимузинах с гербом эмира на дверях.

При мысли о том, что эмир прислал за ней водителя, по спине Лины побежали мурашки. Интересно, он сам распорядился? Или кто-то из служащих организовал ее встречу самостоятельно? И вообще, помнит ли ее эмир?

Все эти годы от него не было вестей, хотя она знала, что школа регулярно посылает во дворец отчеты о ее успехах.

В первый год, тоскуя по родине и поражаясь переменам в жизни, Лина отдала бы все на свете за одну лишь весточку от него. Образ эмира рос в ее воображении, заполняя пустоту в душе. Пока она училась, менялись люди вокруг нее, копились впечатления, но образ прекрасного эмира оставался непоколебимым, он был с ней постоянно. Он был ее путеводной звездой, единственной ниточкой, связывавшей с ро-

диной.

Лина поморщилась. Опасно так думать о нем. Она ведь для него ничто. Она выполнит свою часть договора и исчезнет из его жизни. Конечно, он был добр к ней и очень щедр, но ведь, по сути, он искал решение, в результате которого она исчезнет из дворца и впишется в его план модернизации Халарка. Она вовсе не нужна ему, и в этом нет ничего нового. Отец был разочарован – еще бы, она же девочка. Для дяди с теткой она была неудобной помехой в жизни. Для эмира стала неожиданной проблемой.

Линой овладели смешанные чувства, от которых скрутило желудок. Ее не отпускала тревога. Она здорово преуспела в учебе в швейцарской школе, но все эти годы она была совершенно одна, а ей так хотелось быть нужной кому-то. Хотелось быть привязанной к какому-то месту и... к человеку.

Стоп! Усилим воли Лина прервала поток мыслей. Слишком долго мечтала она об эмире, высоком красивом мужчине, захватившем ее воображение. Но теперь она уже не подросток, и не пристало ей терять волю и разум от эмира и вообще от кого бы то ни было.

Как только она выполнит свои обязательства перед эмиром, ей следует заняться своей карьерой. Начать зарабатывать на жизнь. И наслаждаться этой жизнью.

Лимузин свернул с многолюдной улицы на частную дорогу, что вела от старого города к цитадели. Наверху, за кораллового цвета стенами, словно выросшими из самой горы,

возвышался эмирский дворец. Синее с серебром знамя развевалось на ветру над воротами, возвещая, что эмир в резиденции.

Лина крепко сжала меж колен ладони, пытаясь унять охватившую ее дрожь от волнения и возбуждения.

Она очень благодарна ему за то, что он дал ей возможность получить образование. И она оплатит этот долг, выполнив любые задачи, чтобы придать импульс образованию в Халарке, и как только сможет, исчезнет из его жизни.

Лина улыбнулась. Да будет так!

Однако, как это часто бывает, жизнь распорядилась по-своему.

Саид попрощался с правителем одной из провинций и теперь наблюдал, как бородач и его свита, кланяясь, исчезают за широкими окованными медью дверями. Когда делегация удалилась, он покрутил головой, разминая шею. Длительные аудиенции изрядно его утомили, как морально, так и физически. Ему не нравилась эта огромная вычурно украшенная комната с возвышением, на котором он вынужден был принимать визитеров в угоду традициям. Но он послушался советников: когда проводишь так много реформ, меняющих в корне жизнь страны, есть смысл оставить неизменным хотя бы что-то, если это дает спокойствие людям.

Он хотел было подняться, как в дверях показался камергер. И не один.

Саид откинулся на спинку украшенного драгоценными камнями трона, пальцы его сжали позолоченные львиные головы на подлокотниках. При виде женской фигуры рядом с камергером его желание уйти рассеялось как дым. Стройная, восхитительно женственная, в облегающем цвета нефрита элегантном костюме с юбкой до колен, блестящие темные волосы собраны в высокую прическу. Послеполуденное солнце освещало гостью со спины, не давая как следует взглянуть ее лицо и одновременно подчеркивая соблазнительные изгибы фигуры. Высокие каблуки негромко постукивали по инкрустированному полу. Она остановилась посреди комнаты. Глаза опущены, как принято в Халарке при встрече с эмиром. Однако мало кто из западных людей знал об этом. Гостья хорошо подготовилась.

Саид подался вперед: женщина с Запада ищет приватной аудиенции – это интригует.

– Вы можете подойти.

Гостья медленно приблизилась, и Саид поймал себя на том, что с восхищением наблюдает за нежным покачиванием бедер женщины, аккуратно ступавшей на высоких каблуках. На ней не было украшений, но это лишь подчеркивало чистоту ее скульптурной красоты. Высокие скулы, миндалевидные глаза, полные чувственные губы, тонкая шея. Саида окатила волна жара. Это была самая прекрасная и утонченная женщина из всех, что он встречал. А их было немало.

Однако что-то в ней настораживало... Саид никак не мог

понять, что именно. Его кольнуло смутное предчувствие неприятностей.

– Сир, я рад представить вашему величеству... – начал было камергер, но тут женщина подняла голову, и Саид утонул в омуте бархатисто-фиалковых глаз.

Его как будто окатило ледяной водой. Лина. Это же малышка Лина!

Саиду она запомнилась хорошенькой. Он сказал себе, что, вероятно, воображение несколько преувеличило ее обаяние. Кроме того, было так необычно и возбуждающе оказаться ее повелителем, который вправе потребовать от нее всего, чего пожелает, что мысленно он превратил ее из милого подростка в особенную женщину.

Однако он ошибался. Она действительно была особенной. И даже больше – совершенно необыкновенной. И не только из-за своей красоты. То, как она смотрела на него, явно свидетельствовало, что под маской почтительности она скрывает какое-то особое отношение к нему. И это лишило его душевного равновесия.

– С возвращением в Халарк. Добро пожаловать, – ровным тоном поприветствовал он гостя. Он ни за что не позволил бы ей заметить его волнение.

– Благодарю вас, сир. – Она грациозно склонила голову.

– Ты выросла. Повзрела.

Их взгляды встретились, и его обдало жаром. Она едва заметно улыбнулась и пожала плечами.

– Так происходит со всеми нами... На прошлой неделе мне исполнилось двадцать два.

«Двадцать два гораздо лучше, чем семнадцать», – справедливо заметил лукавый голос у него в голове. Но ведь он взял на себя роль ее опекуна. Защитника. А еще он мужчина. Мужчина с неутолимой жадной жаждой удовольствий.

Осознавая, что это семейная черта, и наблюдая за ее разрушительным воздействием на дядю, который даже не пытался противостоять искушению, Саид старался сдерживать свою страстную натуру. Однако, глядя на Лину, он явственно ощущал, как внизу живота шевельнулось дикое первобытное жадное желание обладать.

Проклятье! Несколько лет назад он сделал все возможное, чтобы защитить ее от себя. По обычаям Халарка, с тех пор как ему передали ее, она принадлежала ему, он стал главой ее семьи. В глазах своего народа он стал ее господином. И ее любовником. Но он не стал слепо следовать дремучим традициям, а поступил как цивилизованный человек – взял девушку под опеку и отослал прочь. А потом забыл, что она должна вернуться к нему. И вот этот день настал. Он считал, что годы вдали от Лины избавят его от страстного желания обладать ею. Что сотрут ее образ – образ особенной женщины. Но ошибся...

Злая насмешница-судьба позволила ему избавиться от Лины-ребенка, а потом вернула ему взамен Лину-женщину – прекрасную и желанную.

Саид заставил себя улыбнуться.

– Поздравляю с достижением столь почтенного возраста. – Встал и повернулся к камергеру: – На сегодня это все. А теперь нам с моей подопечной надо кое-что обсудить.

Глава 4

Прием эмира разочаровал Лину. Улыбка его была натянута, глаза холодны и непроницаемы. Она неоднократно говорила себе, что не стоит ожидать от него распростертых объятий, довольно и того, что он был так добр к ней, но все равно огорчилась. Хотя он вел себя с ней не как с обузой, а как со значимым человеком. И это заставляло ее сердце трепетать от восторга. Совсем как когда-то давно дома, когда она смотрела на бескрайнее черное небо, усыпанное мириадами бриллиантовых звезд, и чувствовала себя маленькой ничтожной песчинкой, но в то же время душа ее ликовала и пела от счастья, словно небо это подарило ей искру своей магии.

Лина считала, что уже вышла из того возраста, в котором грезят о прекрасном могущественном эмире, избавившем ее от ужасной участи уличной девчонки. Хотя эти грезы и были ее утешением и опорой все годы, что она провела вдали от родины. Однако теперь она с ужасом обнаружила, что от сладких фантазий не так-то легко избавиться. Она посмотрела в его черные глаза, услышала его густой бархатный голос и снова ощутила, что ее уносит волшебный водоворот восторженного чувства.

Он изменился за эти четыре года. Возмужал. Вокруг глаз и рта залегли маленькие морщинки, но они не портили, а лишь

подчеркивали его мужественную завораживающую красоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.